

УДК 32

DOI 10.21661/r-558620

Иванченко М.А.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

***Аннотация:** в статье рассматриваются предпосылки развития плюрализма в Советском Союзе, которые формировались на протяжении нескольких десятилетий с начала 1960-х гг. по мере социальной дифференциации советского общества, появления новых латентных групп интересов. Автор отмечает, что история возникновения и формирования политических партий в России остается актуальным вопросом и сегодня, так как многие из существующих партий в России зарождались как раз в начальный постсоветский период.*

***Ключевые слова:** многопартийность, Россия, постсоветский период, партия.*

После прихода к власти М.С. Горбачева была провозглашена политика перестройки, явившаяся ответом на давно назревшие изменения в жизни общества. Так, например, был взят стратегический курс на «всестороннее и революционное обновление советского общества» и вскоре реформы затронули основы политической системы.

На рубеже 80-х годов прошлого века Россия увидела перспективы эволюции своего общественно-политического развития от авторитарного к демократическому обществу и рыночной экономике. Исторический опыт показывает, что такие фундаментальные изменения требуют политического устройства, в котором многопартийная система занимает особое место и значение.

Эволюция от однопартийной к многопартийной системе, отражающей различные мнения в широких общественных кругах, началась на последнем этапе существования Советского Союза. Тогда выяснилось, что политический авангард в лице Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) не в состоянии

справиться с проблемами, охватившими страну в 80-е годы. Кризисы во всех сферах жизни советского общества, внезапно потерявшего видимость процветания, подрывала веру населения в «ведущую роль» КПСС, заставляя партию постоянно приспосабливаться к новым ситуациям. Смена трех генеральных секретарей (с ноября 1982 г. по март 1985 г.) неожиданно совпала с тремя основными тенденциями в тогдашнем коммунистическом руководстве: тенденцией к реформам в глазах силовых структур, олицетворяемой Юрием Андроповым, тенденцией к консерватизму (Константин Черненко) и тенденция к демократическим реформам (Михаил Горбачев). 1985–1990 годы продемонстрировали непоследовательность в политике «архитектора перестройки», его маневрирование из одной крайности в другую, отсутствие сплоченной команды единомышленников, что усилило центробежные тенденции внутри КПСС [5].

Уникальность положения РСФСР в области партийного строительства до 1990 г. заключалась в том, что на ее территории не действовала ни одна самостоятельная партия: крупнейшая из республик в составе СССР не имела собственной Коммунистической партии и партийные организации на ее территории подчинялись общесоюзным органам КПСС.

Процесс суверенизации, охвативший в той или иной мере республики СССР, послужил катализатором для активного партийного строительства. Так, летом и осенью 1990 г. в России возникло большое число политических объединений, именовавших себя партиями. В их программно-идеологических установках, по сути, содержался полный спектр идей, характерных для политических партий, которые функционируют в государствах с развитыми демократическими политическими системами. Вместе с тем значительное число вновь созданных российских партий представляли собой политические объединения протопартийного типа, которые не могли стать партиями в полном смысле этого слова в силу того, что в условиях сохранения в основных чертах прежней социальной структуры общества они собирали под своими знаменами лишь узкие слои политизирован-

ной общественности, создававшей различные организации по принципу близости политико-идеологических пристрастий, ценностных установок и взглядов на будущее развитие России [1].

Появление Бориса Ельцина на политической арене только казалось рождением героя-одиночки. На самом деле, его личное мужество в противостоянии консерваторам из Политбюро отражало негодование, которое многие коммунисты низшего и среднего звена испытывали по отношению ко всему, что именуется «феноменом застоя», которое сохранялось даже после прихода к власти реформистов. С другой стороны, существование консервативной группы во главе с Егором Лигачёвым и Иваном Полозковым было не просто отражением личных амбиций провинциального чиновничества, противостоящего Горбачеву.

Характерно, что Ельцин, объявляя о своем выходе из КПСС на 19-й конференции КПСС (июль 1990 г.), объяснил этот шаг не столько несогласием с ее политикой, сколько своими новыми надпартийными функциями в качестве председателя Верховного Совета РСФСР. Одним из его первых указов в качестве президента РСФСР (1 июля 1991 г.) был введён запрет на любую политическую деятельность в организациях и на предприятиях, что в корне пресекло консолидацию потенциальных членов Демократической России. С другой стороны, массовые организации КПСС, действовавшие по месту жительства, остались нетронутыми и впоследствии послужили основой новой Коммунистической партии Российской Федерации.

Шаг Ельцина приостановить деятельность КПСС после неудавшейся попытки государственного переворота в августе 1991 года и последующее судебное разбирательство против него, очевидно, не способствовали укреплению многопартийной системы в России. Это создало прецедент для аналогичных действий против любых политических оппонентов власть имущих.

Таким образом, те, кто был готов включиться в развитие политической системы на волне удивительной политической активности населения в 1989–1991 годах, видимо, передумали и вынуждены были думать о своей без-

опасности. С другой стороны, российский президент и его разношерстное окружение в новых условиях стремительно превратились в высшую государственную элиту. Эта трансформация не требовала политической победы на выборах или усилий партий, возглавляемых проельцинскими чиновниками.

Первая самопровозглашенная оппозиционная партия была создана несколькими неофициальными группами в 1988 году под названием Демократический союз, и к настоящему моменту ее возглавлял разочарованный Борис Ельцин (который в то время был вынужден выйти из ближайшего окружения Горбачева после того, как раскритиковал Горбачева и руководство перестройкой [4]).

В 1990 году был создан ряд других политических партий (включая Социал-демократическую партию России, Республиканскую партию России и ряд других христианско-демократических и конституционно-демократических партий), но ни одна из них не сыграла существенной роли в начальном процессе демократического перехода.

Таким образом, в период с 1991 по 1993 год в политическом ландшафте России доминировали две противоположные силы: сторонники коммунистов и новые демократы. Однако эта борьба между прошлым и будущим была сложной, поскольку политическая и государственная система, построенная КПСС, была глубоко внедрена во все аспекты социальной, экономической и политической жизни. Отношения между Ельциным и Горбачевым в эти первые годы реформ были наглядной иллюстрацией сложностей (как идеологических, так и структурных), которые характеризовали начальные этапы переходного периода. Отношения между Ельциным и Горбачевым в период 1987–1991 гг. сыграли решающую роль в процессе реформирования политической системы в России [4].

В результате Россия начала 1992 год – первый год своего существования как независимого государства – с законодательной и исполнительной властью, сформированной в последние годы прежней общественно-политической и социально-экономической системы. При этом, сама новая система значительно отличалась от предыдущей.

В целом, система «крайней многопартийности» (как ее называли политические публицисты того времени), которая складывалась в государстве, характеризовалась неустойчивостью. «Подвижность» партийно-политической системы определялась как либеральным партийным и избирательным законодательством, так и общим несовершенством нормативной правовой базы (а зачастую – просто отсутствием соответствующих правовых норм). В не менее значительной степени нестабильность являлась следствием трансформации социальной структуры, которая препятствовала созданию «ядерных» электоратов партий. Единственными партиями, организованными в конце 1980 – начале 1990-х гг. и сохранившими свое единство и идеологическую платформу к началу следующего десятилетия, стали Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и отчасти Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) [3].

Законодательное регулирование деятельности партий, однако, не являлось приоритетом для Думы и президента, что было продемонстрировано на примере первого «Закона о партиях», принятого Государственной Думой в 1995 году. Он не смог пройти через Совет Федерации, и дальнейшей его судьбой мало кто интересовался.

Поиск новой версии «партии власти» был вызван неизбежной подготовкой к смене президента. Первоначально Евгений Примаков был предложен на этот пост как наиболее приемлемый государственный деятель не только для московской и петербургской элит, но и для части провинциального истеблишмента.

Блок «Отечество – Вся Россия» создавался для будущего президента. Но ближайшее окружение Ельцина и он сам считали, что бывший премьер-министр не будет лоялен в своем новом качестве больному президенту и его семье. По совету ближайших соратников Ельцина Владимир Путин был назначен премьер-министром, последним при Ельцине.

В первые месяцы 2000 года он стал исполняющим обязанности президента. Новообразованный блок «Единство» должен был оказать ему поддержку на выборах, превознося успех антитеррористической операции Путина в Чечне и меры

по преодолению последствий финансового дефолта в августе 1998 года. Что касается разрозненных сторонников рынка, то они баллотировались на выборы 1999 года отдельно.

К концу 90-х годов деятельность большинства партий в стране осталась только на бумаге. На выборах в третью Государственную Думу (1999 г.), как отмечалось выше, участвовало двадцать шесть блоков, а числилось около двухсот пятидесяти партий и движений. Пятипроцентный барьер на выборах перешли лишь 6 объединений.

В 2000 году президент Владимир Владимирович Путин в рамках укрепления «вертикали власти» поручил Центральной избирательной комиссии подготовить закон о политических партиях с жесткими на тот момент требованиями к общественно-политическим объединениям о перерегистрации.

Партийный компонент, прежде всего Государственная Дума, не мог стать препятствием в течение первого срока Путина, а во время второго срока он постепенно превратился в поддержку – хотя и не в основную – исполнительной власти. При Ельцине политическая система имела в своей структуре партии, которые поддерживали правительство, критически или иначе, но все же они консолидировались вокруг него, в то время как оппозиция была незаменимым элементом. Первые два срока Путина закончились безоговорочной гегемонией абсолютных сторонников режима с небольшой примесью лояльной оппозиции.

Администрация президента также успешно реализовала проект по созданию еще одной прокремлевской партии – «Справедливая Россия» во главе с очень лояльным к президенту спикером Совета Федерации (верхней палаты российского парламента) Сергеем Мироновым. «Справедливая Россия» – это удивительная смесь бывших националистов из партии «Родина», бывших коммунистов из Партии пенсионеров и членов бывшей «Партии жизни» Миронова. Обладая расплывчатой идеологией, гибрид выдавал себя за российскую версию социал-демократии и получил поддержку в Социалистическом Интернационале и других европейских реформистских организациях.

Вопреки общепринятым демократическим нормам закон устанавливал минимальное количество членов партии (в настоящее время составляет 500 человек) и обязывал партии иметь отделения более чем в половине административных единиц субъектов Российской Федерации [5].

Еще одним отличием от европейского законодательства о политических партиях была отмена под предлогом борьбы с сепаратизмом института региональных партий, которые могли соперничать с федеральными партиями в органах местного самоуправления. В отличие от западноевропейской политической практики, российские власти не позволяли создавать партии по конфессиональному или профессиональному признаку. На предприятиях и в колледжах была запрещена политическая деятельность. В целом закон о политических партиях явно ограничивал возможности граждан России создавать политические партии, выражающие общественные настроения.

Частично искусственное, а частично естественное уменьшение числа политических партий в России в первом десятилетии 21 века потребовало ограниченной взаимной интеграции между партийными лидерами и высшими государственными чиновниками. Президентские выборы 2008 г. привнесли две одинаково влиятельные фигуры в политическую иерархию России, а именно Путина и Дмитрия Медведева. Этот фактор несколько ослабил жесткую структуру «президентской республики», созданную еще при Ельцине. В то время как президент (в данном случае Медведев) сохранил репутацию нейтралитета, несмотря на официальные приглашения от «Единой России», Путин разработал собственное ноу-хау – квазипартийное членство: он согласился стать председателем «Единой России», не становясь ее формальным членом. Эта беспрецедентная в европейской политической практике ситуация объясняется желанием получить политическую поддержку возможного возвращения на высший государственный пост и страхом отождествления с партией, функционеры которой, в первую очередь на региональном и местном уровнях, могут стать участником громких коррупционных скандалов.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что российским властям эти псевдопартии нужны для поддержания видимости демократической респектабельности. Власть не желает полностью дистанцироваться от партийной системы в надежде, что лояльные партии станут своего рода «подушкой безопасности» в случае резкого ухудшения социально-экономической ситуации [5].

Таким образом партии направляют стихийное недовольство населения в умеренную парламентскую активность. Власти считают, что эта стратегия может работать в центре, где политическая активность развивалась на рубеже 1990-х годов. Не менее важны «гарантии» политических партий в регионах, где местные лидеры «партии власти» должны отвечать перед населением.

Одним из итогов, накапливающихся в обществе и государстве изменений, стала масштабная политизация гражданской активности в рамках федерального электорального цикла 2011–2012 гг. Возросшая политическая активность российских граждан нашла внеинституциональные каналы реализации. Весьма актуализировалась задача корректировки институционального дизайна в целях стабилизации политической системы с сохранением ее функциональности.

В 2012 г. вступил в силу ряд ключевых поправок к партийному законодательству. В частности, новая редакция Федерального закона «О политических партиях» предусматривает снижение минимальной численности членов партии с 40 000 до 500 человек [3].

Список литературы

1. Гук В.А. Многопартийность в условиях модернизации политической системы России в конце XX-начале XXI в. / В.А. Гук // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск, 2011. – 6 с.
2. Политические партии [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 13.12.2022).
3. Шутов А.Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России / А.Ю. Шутов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – М., 2013. – 17 с.

4. Lenkevitch E. Post Soviet political party development in Russia: obstacles to democratic consolidation / E. Linkevitch // Simon Fraser University. – 2007. – 129 с.

5. Power and parties in post-soviet Russia // Russia in Global Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/power-and-parties-in-post-soviet-russia/> (дата обращения: 13.12.2022).

Иванченко Мария Александровна – аспирант, преподаватель ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России», Россия, Москва.
